

ГОВАРД
ЛАВКРАФТ

ХРЕБТЫ
БЕЗУМИЯ

Мифы Ктулху

Говард Лавкрафт

Хребты безумия

«ИП Головин»

1931

Лавкрафт Г. Ф.

Хребты безумия / Г. Ф. Лавкрафт — «ИП Головин»,
1931 — (Мифы Ктулху)

«Хребты безумия» написаны в документальной манере повествования, постепенно привыкая к которой, становишься свидетелем особой реальности описываемых событий. Полярная экспедиция сталкивается с запредельным ужасом древних веков. Лучшее кошмарно-прекрасно-завораживающее описание в творчестве Лавкрафта запечатлено именно в этом произведении. Это описание заброшенного ледяного города «древних», уводящего в недра земли.

© Лавкрафт Г. Ф., 1931

© ИП Головин, 1931

Содержание

I	5
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Говард Филлипс Лавкрафт

Хребты безумия

I

Мне приходится рассказывать об этом, поскольку, не получив объяснений, ученые отказались следовать моему совету. Рассказывать, вопреки своему желанию что-либо прояснить о причинах моих возражений против грядущего покорения Антарктики: масштабного поиска органического топлива, непрерывного бурения и растапливания ледяного покрова... Я не горю желанием рассказывать, поскольку все мои предупреждения окажутся тщетными. Недоверие к фактам, а я должен их открыть, просто неизбежно, но если я утаю то, что покажется необычным и невероятным, нечего будет и рассказывать. Мне помогут доселе неизвестные публике фотографии (обычные и сделанные с самолета), поражающие необычайной четкостью и наглядностью.

Но и в них усомнятся, ведь искусство подделки достигло ныне невиданных высот. Над рисунками уж точно станут насмехаться, посчитав явным жульничеством, несмотря на необычную технику исполнения, над которой еще предстоит поломать головы искусствоведам.

В конечном счете я вынужден полагаться лишь на мнение и авторитет нескольких известных ученых, чья независимость в суждениях, с одной стороны, позволит им непредвзято оценить собранные мной жуткие в своей убедительности свидетельства как сами по себе, так и в свете неких загадочных первобытных мифов, а, с другой стороны, имеющих достаточно влияния, чтобы удержать научный мир от любых непродуманных амбициозных проектов в районе «Хребтов безумия». Печально, но факт: мнение таких малоизвестных людей, как я и мои коллеги, связанных лишь с небольшим университетом, вряд ли будет иметь вес в столь безумных и противоречивых вопросах.

Тем более, что, строго говоря, ни один из нас не является специалистом в этой области. Я – геолог, и Мискатоникский университет отрядил меня с экспедицией для получения образцов глубоко залегающих пород и почвы разных частей Антарктики с помощью замечательной буровой машины, разработанной профессором нашего инженерного факультета Фрэнком Пэбоди. Я не имел желания стать пионером в любой другой области, однако надеялся, что использование этой новой машины в разных точках уже разведанных территорий позволит добыть природные ресурсы, которые невозможно извлечь обычными способами.

Буровые машины Пэбоди, как уже известно из наших отчетов, отличаются легкостью, небольшими размерами и мощностью и сочетают бурение обычной артезианской скважины и циркулярное сверло, которое быстро справляется с пластами различной твердости. Стальная буровая коронка, составной бур, бензиновый двигатель, складной деревянный каркас, принадлежности для взрывных работ, тросы, бурав для извлечения обломков породы и составные трубы диаметром в пять дюймов и длиной до тысячи футов, плюс всё необходимое. И всё это можно перевезти на трех собачьих упряжках, запряженных всего семью собаками каждая. Такое стало возможным благодаря особому алюминиевому сплаву, из которого сделана большая часть металлических деталей.

Четыре больших самолета Дорнье, оборудованных специально для полетов на большой высоте в условиях антарктического плоскогорья и снабженных разработанными Пэбоди устройствами подогрева топлива и быстрого запуска, перебросят нашу экспедицию с базы на краю величественного ледяного пояса в подходящие для посадки точки в центральной части материка, откуда нас уже повезут собаки.

Мы планировали охватить как можно большую область, насколько позволит один антарктический сезон или дольше (в случае абсолютной необходимости), в основном, в горах и на плато к югу от моря Росса. В разной степени эти области уже были исследованы Шеклтоном, Амундсеном, Скоттом и Бэрдом.

Мы рассчитывали часто менять стоянки и перелетать на значительные расстояния, чтобы собрать разнородные образцы в беспрецедентном количестве, особенно в докембрийских пластах, поскольку до сих пор в Антарктике было собрано крайне мало подобных образцов. Кроме того, мы хотели получить как можно больше различных ископаемых окаменелостей из верхних слоёв – ведь история первобытной жизни этого мрачного царства смерти и льда чрезвычайно важна для познания прошлого Земли.

Антарктический континент когда-то имел умеренный и даже тропический климат, с изобильным растительным и животным миром, из которого на северной оконечности выжили лишь лишайники, морская фауна, паукообразные и пингвины. Данные очень поверхностны, мы рассчитывали их уточнить, расширить и детализировать. Там, где с помощью обычного бурения обнаружатся признаки окаменелостей, мы намеревались увеличивать скважины взрывами, чтобы получить образцы подходящего размера и состояния.

Мы бурили скважины различной глубины, в зависимости от того, насколько многообещающими выглядели верхние слои, но ограничивались открытыми скальными выходами, которые, естественно, оказывались на склонах и горных грядках, поскольку в низинах толщина льда достигала мили или двух. Мы не могли позволить себе бурить ледовую толщу, хотя Пэбоди разработал способ растапливать лед, погружая в скважины медные электроды и генерируя ток с помощью бензиновой динамо-машины. Именно такой способ (к которому мы прибегали только в качестве эксперимента) предлагает использовать грядущая экспедиция Старкуотера-Мура, несмотря на все мои предупреждения после нашего возвращения из Антарктики.

Публика узнавала о Мискатоникской экспедиции из регулярных телеграфных отчетов в «Аркхемский вестник» и Ассошиэтед Пресс, а также последующих наших с Пэбоди статей.

В экспедицию от университета входило четверо: Пэбоди и Лейк – с кафедры биологии, Этвуд – с кафедры физики (он же метеоролог) и я – представитель от геологии и номинальный глава экспедиции, а также семеро студентов последнего курса Мискатоникского университета и девять опытных механиков.

Двенадцать из этих шестнадцати умели пилотировать самолет, и все, кроме двоих, владели навыками радиосвязи. Восемь разбирались в штурманском деле и умели работать с компасом и секстантом наравне с Пэбоди, Этвудом и мной. Кроме того, два наших корабля – деревянные экс-китобои, перестроенные для плавания во льдах и оснащённые вспомогательными паровыми двигателями – разумеется, были полностью укомплектованы.

Экспедицию профинансировал фонд Натаниэля Дерби Пикмена, опираясь на некоторые целевые пожертвования, и потому, несмотря на отсутствие публичной известности, мы весьма основательно подготовились. Собак, сани, механизмы, палатки и пять самолетов в разобранном виде доставили в Бостон, где погрузили на корабли. Мы были чрезвычайно хорошо экипированы для наших целей и во всех вопросах относительно припасов, планов работ, транспортировки и строительства лагеря следовали примеру множества наших блестящих предшественников. Из-за большого числа и известности этих самых предшественников наша экспедиция, в целом весьма значительная, осталась почти незамеченной широкой публикой.

Как сообщали газеты, второго сентября 1930 года мы вышли из Бостона, неспешным курсом направились вдоль побережья, прошли через Панамский канал, зашли на Самоа и в Хобарт на Тасмании, где в последний раз пополнили запасы. Никто из исследовательской группы еще не бывал в полярных широтах, а потому мы полностью полагались на наших капитанов – Дж. Б. Дугласа с брига «Аркхем», возглавлявшего морскую часть экспедиции, и Джорджа Торфин-

сена, капитана барка «Мискатоник». Оба они, бывалые китобои, промышленяли в арктических водах.

Мы всё дальше удалялись от обитаемой части мира, солнце с каждым днём всё ниже опускалось на севере и дольше оставалось над горизонтом. Около 62° южной широты мы увидели первый айсберг – с плоской вершиной и отвесными стенами. Лишь когда мы приблизились к Полярному кругу, который пересекли двадцатого октября с подобающими причудливыми церемониями, появились проблемы с ледовыми полями.

После долгого плавания по тропикам меня очень беспокоила понижающаяся температура, но я старался взбодриться и готовился к грядущим испытаниям. Меня часто очаровывали атмосферные эффекты, в том числе поразительно правдоподобные миражи – первые, какие мне довелось увидеть – когда далёкие горы превращались в зубчатые стены невероятных огромных замков.

Мы пробились сквозь льды, оказавшиеся на наше счастье не слишком протяжёнными и неплотными, и достигли чистой воды на 67° южной широты и 175° восточной долготы. Утром 26 октября на юге стала хорошо различима земля, и еще до полудня все испытали трепет восторга, созерцая огромную заснеженную горную цепь, которая открывалась перед нами, постепенно охватывая горизонт.

Мы наконец столкнулись с аванпостом величественного и неведомого континента, с его таинственным миром ледяной смерти. Эти пики, без сомнения, были Адмиралтейским хребтом, обнаруженным Россом, теперь нам предстояло обогнуть мыс Адер и пройти вдоль западного побережья Земли Виктории, чтобы разбить лагерь в проливе Мак-Мердо, у подножия вулкана Эребус, на 77°9′ южной широты.

Этот заключительный этап путешествия оказался весьма живописным и впечатляющим. Огромные и загадочные холодные пики возвышались с запада, полуденное солнце низко нависало на севере или опускалось в полночь к южному горизонту, заливая багряно-красными лучами белый снег, прорезанный дорожками воды голубоватый лёд и открытые чёрные участки гранита на склоне.

Над безжизненными вершинами бушующими порывами проносился яростный антарктический ветер, его ритм временами напоминал полубезумную музыку каких-то труб, завывающих над бескрайней пустыней. Меня отчего-то невольно тревожили, даже смутно пугали эти странные звуки. Иногда окружение вызывало в памяти волнующие и странные азиатские пейзажи Николая Рериха или ещё более необычные и страшные картины дьявольского плато Ленг, описанные в жутком «Некрономиконе» безумным арабом Абдулом Альхазредом. Позже я пожалел, что когда-то в библиотеке колледжа заглянул в эту мерзкую книгу.

Седьмого ноября западная горная гряда на время исчезла из поля зрения. Мы миновали остров Франклина, и на следующий день перед нами открылись конусы вулканов Эребус и Террор на острове Росса, а за ними – протяжённая череда вершин Парри. На востоке теперь простиралась низкая белая линия огромного ледяного барьера. Поднимаясь отвесно на двести футов, как скалистые утёсы Квебека, ледяной барьер отмечал конец плавания на юг. После полудня мы вошли в пролив Мак-Мердо и остановились с подветренной стороны у курящегося вулкана Эребус.

Этот пик, покрытый вулканической лавой, возвышался на двенадцать тысяч семьсот футов на фоне восточного края неба, как японский оттиск изображения священной горы Фудзияма. За Эребутом поднимался на десять тысяч девятьсот футов белый, как призрак, ныне угасший вулкан Террор. Из жерла Эребуса то и дело извергались клубы дыма, и один из ассистентов, способный молодой человек по фамилии Дэнфорд, указал на дорожку лавы на заснеженном склоне и отметил, что эта гора, обнаруженная в 1840 году, несомненно послужила источником вдохновения для Эдгара По, который спустя семь лет писал:

*Было сердце мое горячее,
Чем серы поток огневой,
Чем лавы поток огневой,
Бегущий с горы Эореи
Под ветра полярного вой,
Свергающийся с Эореи,
Под бури арктической вой.*

Дэнфорд прочёл множество подобных причудливых произведений, часто декламировал По. Я и сам заинтересовался, поскольку По сделал Антарктику сценой своей единственной длинной истории – волнующей и загадочной «Повести о приключениях Артура Гордона Пима».

На пустом берегу и возвышавшемся за ним ледяном барьере вопили и хлопали крыльями мириады неуклюжих пингвинов. А воде плескалось множество жирных тюленей, ныряющих или растянувшихся на огромных, медленно дрейфующих льдинах.

Вскоре после полуночи девятого ноября мы, воспользовавшись шлюпками, произвели трудную высадку на остров Росса. За собой мы протащили закрепленные на кораблях канаты, подготавливая выгрузку припасов с использованием подвесной люльки. Несмотря на то, что до нас здесь уже побывали Скотт и Шеклтон, мы испытывали острые и сложные ощущения, впервые ступив на землю Антарктики. Лагерь на промёрзшем берегу у склона вулкана стал лишь временной базой. Управление по-прежнему осуществлялось с борта «Аркхема».

Мы переправили на берег все бурильное оборудование, собак, сани, палатки, канистры с горючим, экспериментальное оборудование для растопки льда, фотокамеры, как обычные, так и для аэрофотосъемки, детали аэропланов и прочие приспособления, включая три маленьких портативных устройства беспроводной связи (не считая установленных на аэропланах), позволяющие связываться с большой станцией «Аркхема» из любой части антарктического континента, куда мы могли отправиться. Корабельное радио связывалось и с внешним миром, передавая отчёты в «Аркхемский обозреватель» через станцию в Кингспорт-Хеде, штат Массачусетс.

Мы рассчитывали выполнить всю намеченную работу за одно полярное лето, но если не получится, то перезимуем на «Аркхеме», а «Мискатоник» отправим на север, прежде чем установится ледовый покров, за припасами на следующее лето.

Нет нужды повторять то, что писали газеты о начале нашей работы: о восхождении на Эребус, успешных результатах бурения в разных точках острова Росса и небывалой скорости, с какой установка Пэбоди пробивалась сквозь скальные породы, об испытании оборудования для растапливания льда, об опасном подъеме на ледяной барьер с санями и всем снаряжением и сборке пяти огромных самолетов в лагере на его вершине.

Здоровье всех членов экспедиции – двадцати мужчин и пятидесяти пяти ездовых собак – оставалось отменным, но мы пока и не испытали на себе ни разрушительного холода, ни ураганного ветра. Большую часть времени термометр показывал от четырех до семи градусов ниже нуля, и зимы в Новой Англии вполне подготовили нас к подобным трудностям. Полустанционный лагерь на ледяном барьере предназначался для хранения топлива, провизии, динамита и других припасов.

Для перевозки экспедиционного оборудования требовалось лишь четыре самолета. Пятый оставался в лагере с летчиком и двумя матросами с кораблей, чтобы добрался до нас, если все остальные самолеты будут потеряны. Позже мы использовали пару незадействованных самолетов для перевозок между этим лагерем и постоянной базой на большом плато за ледником Бирдмора, в шестистах-семистах милях к югу. Несмотря на многочисленные рассказы об

обрушивающихся с плато ураганах и снежных бурях, ради экономии и большей эффективности мы рискнули обойтись без промежуточных баз.

Радиосводки от 21 ноября сообщали об умопомрачительном четырехчасовом беспосадочном полете нашей эскадрильи над величественным ледяным шельфом с горными пиками, вздымавшимися на западе. Шум двигателей эхом раздавался в непостижимой тишине. Ветер почти нас не беспокоил, а радиокompас вывел из густого тумана, в который мы угодили лишь однажды за весь перелет. Когда между 83 и 84 градусами южной широты впереди показалась обширная возвышенность, мы поняли, что достигли ледника Бирдмора – крупнейшего в мире долинного ледника, где замерзшее море сменяется складчатым гористым побережьем, теперь мы, наконец, по-настоящему вступили в извечно мертвое белое безмолвие крайнего юга. Вдалеке на востоке показалась гора Нансена почти пятнадцати тысяч футов высотой.

Вошли в историю успешное развертывание южного лагеря на $86^{\circ}7'$ южной широты и $174^{\circ}23'$ восточной долготы, феноменальная быстрота и эффективность бурения и взрывных работ в разных точках, куда мы добирались на санях или самолетах, сложнейшее триумфальное восхождение на гору Нансена, совершенное 13–15 декабря Пэбоди и двумя студентами, Гедни и Кэрролом.

Мы находились на высоте около восьми с половиной тысяч футов над уровнем моря, когда пробное бурение показало в некоторых точках наличие твердой породы всего в двенадцати футах под снегом и льдом, и мы применили компактную растапливающую лед установку Пэбоди и динамит в таких местах, где ни один исследователь до нас не мог и помыслить о добыче образцов. Полученные докембрийские граниты и биконские песчаники подтвердили гипотезу, что плато имеет общее происхождение с основной частью континента на западе, но отличается от областей, лежащих на востоке, ближе к Южной Америке. Тогда мы считали их отдельным континентом меньшего размера, отделенным от большего замерзшими морями Росса и Уэдделла, но позже Бэрд опроверг это предположение.

Некоторые песчаники после бурения мы взрывали и обкалывали, в результате обнаружив весьма интересные отпечатки ископаемых раковин и растений – папоротников, морских водорослей, трилобитов, криноидов и моллюсков вроде лингул и брюхоногих. Все они представляли интерес с точки зрения ранней истории этого региона. Также мы наткнулись на отпечаток странного полосатого треугольника размером около фута по широкой стороне – Лейк собрал его по частям из трёх кусков сланца, поднятых из глубоких слоев скважины. Эти фрагменты добыли на западе, у гор Королевы Александры. Лейк, как биолог, счёл их необычными, интересными и приводящими в замешательство, но на мой взгляд геолога, такой волнистый эффект часто встречается в осадочных породах. Ведь сланец – метаморфическая горная порода, состоящая из спрессованных осадочных. Давление может придавать ему самые необычные формы, поэтому я не видел причин удивляться этим бороздчатым углублениям.

Шестого января 1931 года Лейк, Пэбоди, Дэнфорд, все шестеро студентов, четыре механика и я пролетели на двух самолетах прямо над Южным полюсом. Внезапно поднявшийся ветер, к счастью, не превратившийся в обычный для здешних мест ураган, заставил нас совершить вынужденную посадку. Это был, как писали в газетах, очередной наш разведывательный полет.

Во время предыдущих мы пытались выделить топографические особенности ранее никем не исследованных районов, но не слишком преуспели, зато насмотрелись на великолепные, фантастические и обманчивые полярные миражи, слабое подобие которых уже встречалось во время морского путешествия. Далекие горы парили в небе заколдованными городами, а порой весь снежно-белый мир магией низкого полночного солнца превращался в золотую, серебряную и алую страну из фантазий лорда Дансени. В пасмурные дни летать оказалось весьма сложно, поскольку заснеженная земля и небо сливались в единую мерцающую пустоту, не разделенную линией горизонта.

Мы наконец решили приступить к выполнению первоначального плана – пролететь со всеми четырьмя исследовательскими самолётами пятьсот миль в восточном направлении и разбить новый лагерь, который, как мы ошибочно полагали, окажется на меньшем из двух континентов. Нам очень бы пригодились добытые там образцы для сравнения.

Здоровье наше до сих пор оставалось великолепным – сок лайма отлично дополнял однообразный рацион из консервов и солонины, а температура, державшаяся в основном не ниже двадцати градусов, позволяла обходиться без толстой меховой одежды. Стояла середина лета, и, действуя быстро и аккуратно, мы могли бы завершить работы к марту и избежать тяжёлой зимовки в долгой антарктической ночи. Несколько раз с запада налетала яростная зимняя буря, но нам удавалось избежать повреждений – Этвуд умело укрывал самолёты и установил ветроломы из тяжёлых снеговых блоков, а также укрепил снегом основные сооружения лагеря. Нам сопутствовало просто невероятное везение.

Разумеется, внешний мир знал о нашей программе, как и о странном и упорном стремлении Лейка двигаться на запад, точнее – на северо-запад, в разведку, прежде чем полностью перейти на новую базу. Похоже, он много размышлял и строил смелые предположения относительно треугольных полосатых образований в сланце. Он видел определённые противоречия в их происхождении и принадлежности к геологическому периоду, что крайне распалило его любопытство. Он всячески стремился бурить в пластах, простиравшихся к западу, к которым, очевидно, и принадлежали добытые ранее фрагменты.

Он отчего-то уверился, что эта окаменелость была отпечатком какого-то огромного, неведомого и совершенно не поддающегося классификации организма, причём довольно далеко продвинувшегося по пути эволюции, хотя порода, где были обнаружены ископаемые остатки¹, принадлежала к древнейшим периодам – Кембрийскому, а может, и Докембрийскому, что исключало не только возможность существования высокоразвитой жизни, но и любой сложнее одноклеточных или трилобитов. Возраст этих фрагментов со странными отпечатками варьировался от пятисот до тысячи миллионов лет.

¹ Да, именно остатки.

II

Воображение публики, полагаю, захватили наши радиосводки о походе Лейка на северо-запад, в земли, куда даже в самых смелых мечтах еще не ступала нога человека, хотя мы и не упоминали о его безумных надеждах совершить революцию в биологии и геологии. С 11 по 18 января вместе с Пэбоди и еще пятью участниками он отправился в разведывательную экспедицию, омраченную гибелью двух собак, когда сани перевернулись, пробиваясь через ледяные торосы. Лейк вернулся с новыми образцами архейских сланцев, и даже я заинтересовался необычайно многочисленными следами окаменелостей в столь древних пластах.

Все отпечатки, однако, принадлежали примитивным жизненным формам, так что особого удивления не вызвали, за одним исключением – они определенно находились в докембрийских породах. А посему я по-прежнему не находил особого смысла в желании Лейка отклониться от первоначального плана, что требовало не только больше времени, но и всех четырех самолетов, людей и оборудования. В конце концов, я не стал этого запрещать, но решил не сопровождать группу на северо-запад, хотя Лейк настаивал на необходимости моего мнения как геолога.

В их отсутствие я остался в лагере с Пэбоди и еще пятью людьми, чтобы выработать план похода на восток. Один самолет уже начал перевозить запас горючего с базы у пролива Мак-Мердо, но это могло подождать. Я оставил при себе одни сани и девять собак, поскольку оказаться без средств передвижения в этой мертвой ледяной пустыне было попросту неразумно.

Как вы помните, продвигаясь в неизведанные земли, отряд Лейка отправлял радиogramмы с коротковолновых передатчиков самолетов, которые одновременно принимала наша радиостанция в южном лагере и «Аркхем» в проливе Мак-Мердо, откуда они транслировались во внешний мир на волнах длиной до пятидесяти метров. Группа Лейка вылетела 22 января в четыре утра, и первая радиogramма поступила спустя два часа, в ней сообщалось об успешном приземлении в трехстах милях от нас и начале бурения.

Шесть часов спустя поступила вторая восторженная радиogramма. Работая не покладая рук, они пробурили неглубокий шурф и обнаружили образцы сланца с несколькими отпечатками, похожими на те, которые и вызвали всю эту кутерьму.

Через три часа в короткой сводке сообщалось, что экспедиция возобновила полет в условиях шквального ветра, а когда я велел Лейку не рисковать, он резко ответил, что ради новых образцов стоит рискнуть. Я понял, что его восторженность вот-вот перерастет в открытый бунт, и мне не удастся сдержать его упрямство, хотя он ставил под удар успех всей экспедиции. При этом я с ужасом представлял, как он все глубже погружается в зловещую и коварную белую пустоту, наполненную бурями и непостижимыми тайнами, которая протянулась на полторы тысячи миль, до малоизученного побережья Земли королевы Мэри и берега Нокса.

Затем, примерно через полтора часа, с борта самолета Лейка пришло еще более взволнованное сообщение, почти полностью изменившее мое мнение и заставившее пожалеть, что я не отправился с ним.

«22.05. В полете. После снежной бури заметили впереди горную гряду выше всех виденных до сих пор. Учитывая высоту плато, может сравниться с Гималаями. Координаты приблизительно $76^{\circ} 15'$ южной широты, $113^{\circ} 10'$ восточной долготы. Горы простираются вдоль всей линии горизонта. Похоже, два вулкана курятся. Все горы черные и свободны от снега. Штормовой ветер с них осложняет пилотирование».

Все мы – Пэбоди, я и пятеро остальных – сгрудились у передатчика, потеряв дар речи. Мысль о гигантской горной цепи в семистах милях отсюда пробудила в нас жажду приключений, и мы были счастливы, что товарищи по экспедиции, пусть и не мы сами, стали её первооткрывателями. Через полчаса Лейк вызвал нас снова.

«Самолет Моултона совершил вынужденную посадку на плато у подножия гор. Никто не пострадал, возможно, сможем отремонтировать. Перенесем все необходимое на три оставшихся самолета для возвращения или дальнейшего продвижения, если потребуется. Пока лететь дальше нет необходимости. Горы просто поражают воображение. Полечу на разведку на самолете Кэррола, сняв весь груз. Вы себе такое и представить не можете. Высочайшие пики поднимаются больше чем на тридцать пять тысяч футов. Эвересту до них далеко. Этвуд замечает высоту теодолитом, пока мы с Кэрролом будем в небе.

Насчет вулканов я, вероятно, ошибся – породы похожи на осадочные. Видимо, докембрийские сланцы с вкраплениями других слоев. Странный эффект на горизонте – к самым высоким пикам примыкают кубические образования. Низкое солнце придает им восхитительный оттенок алого с золотом. Как будто таинственная земля из снов или врата в запретный мир, полный чудес. Жаль, что вы не можете это увидеть».

Несмотря на поздний час, никто из нас и не помышлял о сне. Вероятно, то же творилось и у пролива Мак-Мердо, где база с припасами и «Аркхем» также получали сообщения, поскольку капитан Дуглас отправил всем поздравления с важным открытием, а к нему присоединился Шерман, радист с базы. Все сожалели о поврежденном самолете, но надеялись, что его с легкостью отремонтируют. Затем в 23.00 пришел новый вызов от Лейка.

«Летим с Кэрролом над предгорьями. При такой погоде приближаться к самым высоким вершинам не рискуем, попробуем позже. Страшно подниматься и тяжело лететь на такой высоте, но оно того стоит. Большой хребет тянется сплошняком, не видим за ним никаких проблесков. Главные вершины превосходят Гималаи, и они весьма необычные. Похоже на докембрийский сланец с явными признаками выхода других пластов. Насчет вулканизма ошибся. Хребет тянется до горизонта в обе стороны.

Выше двадцати одной тысячи футов снега нет. На склонах высочайших гор необычные образования. Огромные низкие каменные блоки с отчетливо вертикальными сторонами, похожие на невысокие стены древних азиатских крепостей, жмущихся к отвесным скалам, как с картин Рериха. Издалека выглядит впечатляюще. Подлетели к некоторым поближе. Кэрроллу показалось, что они состоят из более мелких частей, но, вероятно, это просто эрозия.

Большая часть углов разрушилась и скруглилась, как будто от бурь и миллионов лет климатических изменений. Некоторые части, особенно верхние, похоже, из более светлой породы, чем пласты, наблюдаемые на склонах, явно кристаллического типа. При облете с близкого расстояния видны входы множества пещер, некоторые напоминают необычайно ровной квадрат или полукруг. Вы должны прилететь и сами исследовать. Думаю, я видел крепостной вал прямо на вершине одного из пиков, на высоте примерно тридцать – тридцать пять тысяч футов. Я сейчас на двадцати одной тысяче пятистах футах, тут дьявольски холодно. Ветер свистит и ревет через расщелины и пещеры, но для самолета опасности это не представляет».

Следующие полчаса Лейк продолжал бомбардировать нас сообщениями и выразил желание подняться на некоторые пики пешком. Я ответил, что присоединюсь к нему, как только он сможет прислать самолет, а пока мы с Пэбоди продумаем место хранения горючего с учетом изменившегося характера экспедиции.

Очевидно, что бурение Лейка и его полеты потребуют огромного количества топлива, а его еще нужно доставить на новую базу, которую он собирается разбить у подножия гор. Вероятно, в этом сезоне летать в восточном направлении мы уже не будем. В связи с этим я попросил капитана Дугласа выгрузить как можно больше топлива с кораблей и доставить его на единственной оставшейся у нас собачьей упряжке. Нам же требовалось проложить прямой маршрут через неизведанные земли от пролива Мак-Мердо до Лейка.

Лейк связался со мной позднее и сообщил, что решил устроить лагерь на месте вынужденной посадки самолета Моултона. Ремонтные работы уже начались. Ледяной покров там очень тонкий, кое-где проглядывает темная земля, и Лейк собирался бурить прямо на месте,

прежде чем снаряжать санные экспедиции или совершать восхождения. Он всё твердил о невероятной величественности пейзажа и странных чувствах, которые испытывал в тени безмолвных вершин, подпирающих небо на самом краю света.

С помощью теодолита Этвуд определил высоту пяти самых высоких вершин в тридцать – тридцать четыре тысячи футов. Продуваемая всеми ветрами местность беспокоила Лейка, поскольку это повышало вероятность чудовищных штормов, с которыми никто раньше не сталкивался. Его лагерь лежал примерно в пяти милях от того места, где резко вздымались более высокие предгорья.

Я слышал тревогу в его голосе, доносившемся сквозь семьсот миль ледяной пустоты, когда он призывал нас поторопиться, чтобы как можно быстрее разобраться с загадочным новым районом. А он собирался отдохнуть после напряженной работы этого долгого дня, принесшего невероятные результаты.

Утром я провел трехсторонние переговоры с капитаном Дугласом и Лейком. Мы сошлись на том, что один из самолетов Лейка заберет меня, Пэбоди и остальных, а так же всё горючее, что в него поместится. Судьба остального топлива определится через несколько дней, когда мы примем решение относительно экспедиции на восток, а пока имеющегося запаса Лейку хватит и на обогрев лагеря, и на бурение. В перспективе резервы на старой южной базе должны быть пополнены, но если мы отложим восточную экспедицию, то до весны там не появимся, а тем временем Лейк пошлет самолет разведать прямой путь между его новыми горами и проливом Мак-Мердо.

Мы с Пэбоди готовились к закрытию лагеря на неизвестный срок. Если останемся зимовать в Антарктике, то, вероятно, с базы Лейка уже напрямую улетим на «Аркхем», не возвращаясь сюда. Некоторые палатки уже были укреплены блоками плотного снега, и мы решили завершить постройку нашей эскимосской деревни. У Лейка имелось достаточно палаток, чтобы разместить всех. Я отбил ему радиограмму, что мы за день завершим подготовку и будем готовы к отбытию на север уже через день.

Однако после четырех часов пополудни работа постоянно прерывалась странными взволнованными сообщениями Лейка. День его начался неудачно: разведывательный полет над ближайшими открытыми скальными поверхностями показал, что в них полностью отсутствуют архейские и другие древние пласты, сформировавшие большую часть колоссальных пиков, высившихся в столь манящей близости от лагеря.

Большая часть скал состояла из юрского и команчского песчаника, а также пермского и триасского сланца с блестящими черными вкраплениями, позволяющими предположить наличие пластов каменного угля. Это, безусловно, расстроило Лейка, чьи планы полностью зависели от ископаемых образцов старше пятисот миллионов лет. Он понял, что за архейскими сланцами, в которых он обнаружил те странные отметины, придется добираться на санях к отвесным склонам гигантских гор.

Тем не менее, он решил провести буровые работы на месте, выполняя общую программу экспедиции, и поручил это пятерым членам своей группы, пока остальные заканчивали обустройство лагеря и занимались ремонтом самолета. Для начала выбрали самую мягкую скалу из песчаника, примерно в четверти мили от лагеря, и бур пошел легко, взрывных работ почти не требовалось. Примерно через три часа, сразу после первого серьезного взрыва, раздались крики, и в лагерь со сногсшибательной новостью примчался руководивший работами Гедни.

Они наткнулись на пещеру. Песчаник быстро уступил место команчскому известняку, полному мелких ископаемых: головоногих, кораллов, морских ежей и спирифер. Время от времени встречались кремнистые губки и кости морских позвоночных – вероятно, костистых и ганоидных рыб и акул. Первые добытые экспедицией окаменелости позвоночных сами по себе имели большое значение, но, когда вскоре бур провалился в пустоту, это вызвало ликование.

Мощный взрыв раскрыл подземный тайник, и сквозь дыру примерно в пять футов в диаметре и три в глубину алчным взглядам исследователей открылась часть неглубокой известняковой пещеры, более пятидесяти миллионов лет назад вымытой грунтовыми водами канувшего в лету тропического мира.

Глубина промоины не превышала семи-восьми футов, но она расходилась во всех направлениях, а свежий воздух с легким ветерком позволял предположить, что она лишь часть обширной подземной системы. Верх и низ пещеры покрывали крупные сталактиты и сталагмиты, порой сливающиеся в колонны, но важнее всего было огромное количество раковин и костей, местами почти полностью засыпавших проход.

Намытый из неведомых мезозойских джунглей, образованных древовидными папоротниками и грибами, а также лесов третичного периода, где росли саговники, веерные пальмы и примитивные покрытосеменные, этот ископаемый «винегрет» содержал столько мел-палеогеновых остатков, что величайшему палеонтологу не хватило бы и года для их описания. Раковины моллюсков перемежались панцирями ракообразных, скелетами рыб, амфибий, рептилий, птиц и первых млекопитающих, известных и неизвестных, больших и малых. Вот почему Гедни со всех ног примчался в лагерь; вот почему все побросали работу и стремглав понеслись сквозь стужу туда, где находились отмеченные буровой вышкой врата в подземелье, доступ к тайнику древней Земли и минувших эпох.

Удовлетворив первый острый приступ любопытства, Лейк нацарапал в блокноте сообщение и отправил юного Моултона в лагерь, передать радиограмму. Так я услышал об этом открытии. Лейк сообщал о древних раковинах, костях ганоидов и пластинокожих рыб, останках лабиринтодонт и текодонт, осколках черепа огромных мозазавров, позвонках и пластинах панциря динозавров, зубах и костях крыльев птеродактиля, скелете археоптерикса, зубах миоценовских акул, черепах, примитивных птиц и костях древних млекопитающих – палеотериев, ксифодонов, диноцератов, эогиппусов, ореодонтов и титанотериев.

Ни мастодонтов, ни слонов, ни верблюдов, оленей или жвачных животных, из чего Лейк сделал вывод, что последние останки попали сюда в олигоцене, и пещера простояла в своем нынешнем сухом, мертвом и недоступном состоянии как минимум тридцать миллионов лет.

С другой стороны, преобладание древнейших форм жизни казалось весьма необычным. Хотя известняк, судя по таким типичным окаменелостям, как вентрикулиты, однозначно сформировался в команчский период, среди свободно лежавших в пещере фрагментов было на удивление много организмов, до сих пор относившихся учеными к гораздо более ранним периодам – попадались даже силурийские и ордовикские рудиментарные рыбы, моллюски и кораллы.

Неизбежно следовал вывод, что в этой части мира сложилась удивительная и неповторимая преемственность между животным и растительным миром, существовавшим более трехсот миллионов лет назад и миром, царящим всего лишь тридцать миллионов лет назад. Насколько далеко за пределы олигоценового периода простиралась эта непрерывность, оставалось за гранью любых предположений. В любом случае, ужасающий ледниковый период в плейстоцене примерно пятьсот тысяч лет назад – всего лишь вчера по сравнению с возрастом этой пещеры – должен был положить конец всем примитивным формам жизни, которым еще удалось пережить свое время.

Лейк не удовлетворился одним сообщением. Он написал следующее и отправил в лагерь еще до возвращения Моултона. После этого Моултон остался у передатчика в самолете и отсылал мне и на «Аркхем» – откуда сообщения транслировались во внешний мир – череду дополнений, непрерывно приносимых гонцами Лейка. Те из вас, кто следил за ходом экспедиции в газетах, вспомнят, какой ажиотаж вызвали среди ученых мужей эти сообщения, которые через много лет привели к организации той самой экспедиции Старкуотера-Мура, которую я так

отчаянно пытаюсь предотвратить. Будет лучше, если я приведу сообщения дословно, как Лейк передал их, а наш радист Мак-Тай расшифровал из карандашных пометок.

«Важнейшее открытие. После взрыва Фаулер обнаружил в осколках известняка и песчаника бороздчатые треугольные отпечатки, похожие на виденные нами ранее в архейском сланце. Следовательно, оставившие их организмы просуществовали до команчского периода почти без морфологических изменений, лишь уменьшившись в размерах. Команчские отпечатки однозначно более примитивные или, если угодно, деградировавшие, по сравнению с древними. Подчеркните для прессы важность этого открытия.

Оно будет значить для биологии не меньше, чем открытия Эйнштейна для математики и физики. Дополняет и развивает выводы моей предыдущей работы. Вероятно, подтверждает мои предположения, что на Земле прошло несколько циклов развития органической жизни до всем известного нынешнего, начавшегося с археозойских клеток. Этот организм появился не менее чем миллиард лет назад, когда планета была молода и непригодна для любых форм жизни. Встает вопрос, когда, где и каким образом он развивался».

* * *

«Позже. Осматривая фрагменты скелета крупных сухопутных и морских ящеров, а также примитивных млекопитающих, обнаружил необычные раны или повреждения костной структуры, которые не мог нанести ни один из известных науке хищников или плотоядных любого периода времени. Повреждения двух видов: прямые проникающие отверстия и рубленые борозды. В паре случаев кости ровно отсечены. Повреждения касаются лишь нескольких видов. Посылаю в лагерь за электрическими фонарями. Буду расширять область исследований, срубая сталактиты».

* * *

«Еще позже. Обнаружил необычный осколок мыльного камня около шести дюймов в длину и полтора в ширину, абсолютно не похожий на местные породы. Зеленоватый, период определить невозможно. Выделяется гладкостью и правильностью формы. Похож на пятиконечную звезду с обломанными лучами и следами насечек во внутренних углах и в центре. В середине небольшое углубление. Его происхождение вызывает большой интерес. Возможно, он приобрел такую форму под воздействием воды. Кэррол думает, что разглядел через лупу дополнительные важные геологические признаки. Скопления крошечных точек, расположенные неким узором. Собаки ведут себя беспокойно, похоже, этот камень им сильно не нравится. Следует проверить, нет ли у него какого-то запаха. Выйду на связь, когда Миллис вернется с фонарями, и начнем работу под землей».

* * *

«22.15. Значительное открытие. Оррендорф и Уоткинс, работая с фонарями под землей, в 21.45 обнаружили огромную бочкообразную окаменелость совершенно неизвестной природы. Возможно, растение или невероятно разросшийся морской организм. По-видимому, его ткани сохранялись в минеральных солях – хотя они жёсткие как кожа, но местами поразительно гибкие.

По оконечностям и боковым сторонам заметны следы разрывов. Длина объекта от одного конца до другого – шесть футов, диаметр посередине три с половиной, к концам сужается до одного. Похож на бочку с пятью продольными выпуклыми гребнями вместо ободов. Экватор-

риально между этими гребнями располагаются оборванные утончающиеся боковые отростки. В бороздах между гребнями имеются странные образования – что-то вроде крыльев, которые складываются и разворачиваются веером. Повреждены очень сильно, все, кроме одного – оно разворачивается в крыло длиной около семи футов.

Структура объекта схожа с описаниями чудищ из древних мифов, в особенности фантастических Старцев из „Некрономикона“. Крылья, видимо, перепончатые, натянута на трубчатый скелетный каркас. На кончиках крыльев в трубках есть крошечные отверстия. Оконечности тела ссохлись и не дают представления о внешнем виде, как и обломанные фрагменты. По возвращении в лагерь необходимо выполнить вскрытие. Пока невозможно понять, растение это или животное, но много деталей свидетельствуют о его почти невероятной древности.

Отправил всех разбивать сталактиты и поиск других образцов. Нашли повреждённые кости, но это может и подождать. Проблема с собаками. Они не выносят найденные экземпляры, и, если бы мы не держали их в стороне, разодрали бы в клочья».

* * *

«23.30. Внимание Дайеру, Пэбоди, Дугласу. Сообщение высочайшей – я бы даже сказал, чрезвычайной важности. „Аркхему“ – немедленно передать на станцию в Кингспорт. Именно это странное бочкообразное существо оставило те отпечатки в камнях архейского периода. Миллис, Будро и Фаулер обнаружили в сорока футах от скважины подземное скопление из еще тринадцати таких существ, лежавших вперемешку с фрагментами талькохлорита, странной скруглённой формы и меньшего размера, чем ранее обнаруженные – тоже звездообразные, почти целые, обломаны только на кончиках. Из органических объектов восемь замечательно сохранились, со всеми придатками. Мы подняли их на поверхность, отведя подальше собак – те не выносят их присутствия. Уделите описанию пристальное внимание, при передаче повторите с предельной точностью. В газеты оно должно попасть неизменным.

Общая длина каждого из объектов – около восьми футов. Шестифутовый бочкообразный торс с пятью продольными выпуклыми гребнями – три с половиной фута в диаметре, диаметр на концах – один фут. Цвет тела тёмно-серый, оно податливо, но необыкновенно прочно. Семифутовые кожистые крылья того же цвета, изначально были в сложенном состоянии, растут из углублений меж гребнями. Скелетная основа крыльев трубчатая или пористая, более светло-серого тона, с отверстиями на кончиках крыльев. В развёрнутом виде крылья имеют зубчатые края.

Посередине каждого из пяти продольных гребней-обручей располагается светло-серая гибкая конечность или щупальце, всего таких конечностей пять. При обнаружении были сложены на торсе, но разворачиваются до максимальной длины, более чем на три фута. Напоминают лучи примитивных морских криноидов. Диаметром каждая конечность в три дюйма, на расстоянии шести дюймов от основания разветвляется на пять субконечностей, каждая из которых через восемь дюймов делится ещё на пять мелких конусовидных щупалец или усов. На каждой конечности их, таким образом, получается двадцать пять.

На торсе – толстая, похожая на луковицу шея, ещё более светло-серая, с бороздчатыми жабрами, поддерживающая нечто желтоватого цвета, имеющее форму морской звезды, видимо, голову, покрытую трёхдюймовыми жёсткими ресничками всех цветов радуги. Голова толстая, одутловатая, от одного луча до другого почти два фута, и с трёхдюймовыми гибкими трубками на концах. По центру сверху имеется щель, возможно, дыхательное отверстие. На кончике каждой трубки – сферическое образование, под желтоватой открывающейся мембраной содержится стекловидная сфера с красной радужкой, видимо, глаз.

Из внутренних углов звездообразной головы исходят пять чуть более длинных трубок. На кончике каждой имеются мешковидные утолщения того же цвета, которые при нажатии

раскрываются как колокольчик примерно два дюйма диаметром, с похожими на зубы острыми белыми выступами. Возможно, это ротовые отверстия. Все перечисленные трубочки и ворсинки плотно прижаты к имеющей форму морской звезды голове и цепляются за округлую шею и туловище. Несмотря на огромную прочность, конечности удивительно гибкие.

В нижней части туловища расположены объекты, аналогичные голове, но более грубые и иначе функционирующие. Толстая светло-серая псевдошея без жаберных выступов поддерживает зеленоватое образование в форме морской звезды. Прочные мускулистые лучи в четыре фута длиной, сужаются от семи дюймов у основания до двух с половиной на кончиках. На каждом кончике на короткой ножке закреплено перепончатое треугольное образование с пятью прожилками – треугольник в восемь дюймов высотой и шириной грани в шесть дюймов. Это явно те лапы или псевдоступни, что оставили отпечатки в окаменелостях в промежутке от миллиарда до пятидесяти-шестидесяти миллионов лет назад.

Из внутренних углов объекта в форме морской звезды исходят двухфутовые красноватые трубки с отверстиями, сужающиеся с трёх дюймов у основания до одного на кончике. Все органы кожистые и чрезвычайно жёсткие, но гибкие. Четырёхфутовые конечности со ступнями безусловно использовались для передвижения, в воде или как-то иначе, что подтверждает и наличие развитой мускулатуры. Все эти органы при обнаружении также были сложены поверх псевдошеи и оконечности торса, подобно аналогичным в верхней части туловища.

Не представляется возможности причислить объект к животному или растительному миру, однако теперь больше аргументов в пользу животного. Возможно, это невероятно продвинувшиеся по пути эволюции радиаты, не потерявшие признаков примитивного организма. Несмотря на ряд локальных отличий, есть несомненное сходство с иглокожими. Ввиду большой вероятности морской среды обитания, озадачивает наличие крыльев, но, видимо, они использовались для перемещения по воде. Учитывая, что растения имеют вертикальную структуру, в отличие от горизонтальной у животных, симметрия странно схожа с растительной. Невероятно ранняя дата возникновения, предшествующая даже известным нам сейчас простейшим Архейского протозоя, ставит под сомнения все догадки об их происхождении.

Полнокомплектные экземпляры имеют столь жуткое сходство с чудовищами из первобытных мифов, что неизбежно наталкивает на предположения об их существовании в древности за пределами Антарктики. Дайер и Пэбоди читали „Некрономикон“ и видели кошмарные иллюстрации Кларка Энтон Смига к этому тексту. Они поймут мои слова о Старейшинах, которые предположительно создали всю земную жизнь в шутку или по ошибке. Студентами мы считали, что эта концепция появилась из интереса к древнейшим тропическим радиатам и болезненного воображения. Свою роль, конечно, сыграл и древний фольклор Уилмарта, культ Ктулху и прочее.

Открылось огромное поле для изучения. Слои, где обнаружены объекты, относятся предположительно к концу позднемелового периода или к раннему эоцену. Над ним расположены массивные сталагмиты. Разбивать их тяжело, но эта прочность предотвратила повреждение артефактов. Сохранность их изумительна, видимо, благодаря воздействию известняка. Пока больше ничего не обнаружено, но позже мы возобновим раскопки.

Теперь проблема в том, как доставить в лагерь четырнадцать крупных объектов без использования собак – они рядом с ними яростно лают и становятся неуправляемыми. Придется вдевятиером справляться с тремя санями – еще троих пришлось оставить стеречь собак – хотя ветер очень сильный. Необходимо установить связь по воздуху с заливом Мак-Мердо и начинать отправку материалов на корабли. Но прежде чем мы позволим себе отдохнуть, я должен произвести вскрытие хотя бы одного объекта. Как жаль, что здесь у меня нет настоящей лаборатории. Дайер просто локти кусает из-за того, что пытался остановить поход на запад. Сначала – высочайшие в мире горы, теперь вот это. Не удивлюсь, если последнее – наивысшее

достижение экспедиции. Мы совершили прорыв в науке, Пэбоди, благодаря буру, открывшему вход в пещеру. Итак, „Аркхем“, не повторите ли моё описание?»

Чувства, испытанные мной и Пэбоди от этого сообщения, просто не поддаются описанию, как и энтузиазм наших товарищей. Мак-Тай, на ходу записавший несколько фрагментов сообщения, переписал его целиком из стенограммы, едва радист Лейка закончил работу. Все оценили эпохальное значение сделанного открытия, и сразу после того, как радист «Аркхема» повторил, как от него потребовали, описательную часть сообщения, я послал Лейку свои поздравления. Моему примеру последовали Шерман из своего лагеря, база в проливе Мак-Мердо и капитан Дуглас с «Аркхема».

Позднее я, как глава экспедиции, добавил парочку комментариев к сообщению для передачи с «Аркхема» во внешний мир. Конечно, в разгар такого волнения сама мысль об отдыхе казалась абсурдной. Мы все желали как можно скорее добраться до лагеря Лейка. Я сильно огорчился, когда он передал, что буран сделал перелет невозможным.

Но через полтора часа заинтересованность возросла еще сильнее и начисто стёрла разочарование. Лейк передал новые сообщения, гласившие, что все четырнадцать экземпляров благополучно перевезены в лагерь. Тащить было тяжело, поскольку объекты на удивление тяжелые, но девять человек с ними успешно справились. Теперь несколько участников экспедиции поспешно возводили на безопасном расстоянии от лагеря загон из снега, чтобы переправить туда собак и накормить их. Найденные образцы выложили на твердом насте у лагеря, за исключением одного, которого Лейк наскоро попытался вскрыть и исследовать.

Вскрыть оказалось труднее, чем ожидалось, поскольку, несмотря на тепло газолиновой горелки в специально возведённой лабораторной палатке, обманчиво-гибкие ткани выбранного экземпляра – мощного и неповреждённого – нисколько не потеряли высокой плотности кожи. Лейк был озадачен тем, как выполнить необходимые для исследования разрезы без повреждений, способных разрушить структурные тонкости, которые он хотел выяснить. Объектов исследования найдено слишком мало, и, если в пещере не обнаружатся новые, нельзя использовать материал безрассудно. Поэтому Лейк убрал этот образец и принялся за другой, раздавленный и частично разрушенный, но сохранивший на обоих концах остатки «морских звёзд».

Результаты, о которых немедленно докладывали по радио, и озадачивали, и настораживали. С такими инструментами, которые с трудом взрезали аномально прочные ткани, не приходилось надеяться на точность и аккуратность, но то немногое, что удалось выяснить, повергло нас в ужас и изумление. Всю существующую биологию придётся теперь пересматривать, поскольку эти создания никак не соответствовали тому, что известно о росте клеток. Не обнаружилось и минерализации, и, несмотря на возможный возраст в сорок миллионов лет, внутренние органы сохранились неповреждёнными.

Жёсткая кожа и невероятная твердость тканей являлись неотъемлемым свойством этого организма, принадлежавшего к некому палеогейскому циклу эволюции беспозвоночных, который находится вне научных теорий. Сначала исследованный Лейком образец был сухим, но в тепле палатки начался процесс таяния, на неповреждённой части объекта начала проступать едкая органическая жидкость и появился отвратительный запах. Не кровь, а густая тёмно-зелёная жидкость, но явно выполнявшая ту же функцию. К тому времени как Лейк подошёл к этой стадии, все тридцать семь собак уже поместили в пока еще незавершённый загон около лагеря, но даже на таком расстоянии они подняли яростный лай, усиливавшийся по мере распространения едкого запаха.

Импровизированное вскрытие не только не помогло выяснить природу странного существа, но лишь углубило тайну. Все предположения о предназначении внешних органов оказались корректными, и сомневаться в принадлежности к животному миру больше не было оснований. Однако внутреннее обследование показало такое сходство с растением, что Лейк

безнадёжно запутался. Создание имело пищеварительную систему и удаляло отходы жизнедеятельности через красноватые трубки «морской звезды» в основании.

Дыхательная система, на первый взгляд, усваивала скорее кислород, нежели углекислый газ. Разрозненные свидетельства указывали на наличие воздухоносных мешков и различных способов дыхания – не только через внешнее отверстие, но и посредством дополнительных систем: жаберной и кожной. Существо определено было полуводным и, возможно, еще и приспособленным к длительной спячке в безвоздушной среде. Имелись, видимо, и голосовые органы, связанные с основной дыхательной системой, но их необычность требовала более пристального изучения. Едва ли существа обладали речью, если считать таковой произношение слогов, зато, весьма вероятно, могли издавать свист широкого диапазона. Их мышечная система почти сверхъестественно развита.

Нервная система оказалась такой сложной и высокоорганизованной, что Лейк был просто ошеломлён. Хотя в некоторых отношениях объект изучения был примитивным и архаичным, система ганглиозных центров и связей говорила об экстремально высоком развитии. Его пятидольный мозг был поразительно сложным, имелись признаки органов чувств, соединенных между собой жгутиками, а также иные черты, не свойственные ни одному земному созданию.

Вероятно, существо имело больше пяти чувств, и потому его повадки невозможно было предсказать по имеющимся аналогиям. Лейк предположил, что оно было высокочувствительным и специализированным для своего древнего мира, подобно нынешним муравьям и пчелам. Размножалось оно спорами, как примитивные растения вроде папоротников – на кончиках «крыльев» имелись спороносные коробочки – и в ходе развития формировалось из слоевища или заростка.

Однако на этой стадии присваивать ему наименование было довольно глупо. Создание походило на радиатов, но явно представляло собой нечто большее. Оно отчасти было растением, однако три четверти органов имели структуру, как у животного. Симметрия форм и некоторые прочие атрибуты указывали на морское происхождение, но этого нельзя было утверждать, исходя из дальнейшего развития. Да ещё крылья, которые подтверждали воздухоплавание.

Как это создание могло пройти долгий и сложный путь эволюции на новорождённой Земле к тому времени, как оставило отпечатки в архейских пластах, совершенно не укладывалось в существующие концепции и странным образом навевало Лейку воспоминания о первобытных мифах о Великих Старцах, которые спустились со звёзд и шутки ради, а, может быть, по ошибке, создали земную жизнь. Он вспоминал и безумные истории коллеги-фольклориста с Мискатонийской кафедры английского о чужеродных тварях с далёких гор.

Естественно, Лейк рассматривал и возможность, что отпечатки в докембрийских пластах оставлены менее развитым предком изучаемых существ. Однако, рассматривая структуру окаменелостей, он быстро отбросил эту теорию. В любом случае, более поздние отпечатки показывали регресс, а не усложнение. Размеры псевдоноги уменьшились, вся морфология выглядела грубее и проще. Кроме того, недавно исследованные органы и нервная система имели единичные признаки регрессии с ещё более сложного уровня. Обнаружилось на удивление много атрофированных и рудиментных органов. В итоге, о выводах говорить не приходилось, и, обратившись вновь к мифологии, Лейк шутки ради назвал найденных существ «Старцами».

Около половины третьего ночи Лейк решил отставить работу и отдохнуть. Он прикрыл брезентом изрезанный организм, вышел из лабораторной палатки и с новым интересом принялся рассматривать неповреждённые экземпляры. Неумолимое солнце Антарктики начало понемногу прогревать ткани, у двух-трёх особей трубки и наросты на головах слегка развернулись. Но при отрицательной температуре воздуха Лейк не ожидал опасности немедленного

разложения. Однако всё же сдвинул все неповрежденные экземпляры поближе друг к другу и поставил над ними палатку, чтобы защитить от прямых солнечных лучей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.